

Доктор Земмельвейс: враг сепсиса и жертва психиатрии

Один из случаев, который история сохранила лишь благодаря известности пострадавшего человека, — это история с Игнацем Филиппом Земмельвейсом. Студенты медицинских университетов, вероятно, всё ещё проходят на занятиях обработку рук по Земмельвейсу как пример антисептических мероприятий, пусть уже и ставших достоянием истории. Но то сейчас.

А тогда, в позапрошлом веке, родильная горячка была настоящим бедствием. Во всяком случае, в Пруссии: там она по показателям смертности была холеру и оспу, вместе взятые, и за 60 лет от неё погибли более чем 350 000 женщин. Какие только причины не предполагались: и местный климат, и (уже горячее) миазмы, и воля Божья, и гнилая сперма, и скопившаяся за время беременности менструальная кровь...

И только Игнац Земмельвейс, став в 1846 году ассистентом в Венской Центральной больнице, заметил странную взаимосвязь: да, в среднем по больнице смертность от родильной горячки была такой высокой, что женщины боялись туда обращаться, а если уж и приходилось — всеми правдами и неправдами старались попасть не к главе клиники, профессору Клейну (за 6 лет — 2 000 смертей в его отделении), а к его коллеге, профессору Бартшу (соответственно, за 6 лет — 700 смертей).

Земмельвейс стал просто одержим идеей разгадать эту тайну — и ведь разгадал!

Оказалось, что группа студентов и докторов (преимущественно мужчины), которую курировал Клейн, постоянно ходила на вскрытия в морг — надо же учиться анатомии настоящим образом. А группа, которую курировал Бартш (в основном женщины, будущие акушерки), — нет. Как, спрашивается, обрабатывались руки после морга, когда студент поковырялся в трупе? Да никак. Их чаще всего даже не мыли: вытерли носовым платком — и вперёд, принимать роды. Эврика? Нет, ещё не эврика.

Добывающим фактом стала смерть близкого друга и наставника Игнаца: тот вскрывал умершую от родильной горячки женщину, и ассистирующий ему студент случайно поранил доктора скальпелем. Доктор сгорел от непонятной болезни очень быстро. На вскрытии нашли поражения органов и систем, очень похожие на таковые при родильной горячке.

Вот теперь эврика, понял Земмельвейс: родильная горячка не что иное, как сепсис. И мрут женщины у Клейна потому, что доктора и студенты сначала в трупе копошатся, а потом этими же руками лезут... ну вы поняли.

И в 1847 году строго наказал своим починенным перед принятием родов мыть руки в растворе хлорной извести, вычищать щёткой грязь из-под ногтей и тщательно обрабатывать все инструменты таким же раствором. Стоны несчастных коллег не поддавались никакому описанию, зато смертность женщин в отделении у Земмельвейса упала с 18,27 % (!) до 1,27 %.

Вы полагаете, все сразу бросились кричать: «Ура Земмельвейсу!» и бросать в воздух чепчики? Как бы не так. Игнаца практически затравили — интеллигентно, аргументированно, но очень последовательно, как это умеют только коллеги по цеху. Как же: взрослых дяденек заставили мыть руки, будто они дети малые! Мало того, получается, сами же доктора и виноваты в высокой смертности рожениц! Земмельвейс и до того-то не мог похвастать крепкой психикой, а тут совсем сдал, хотя и всячески пытался отстоять и свой метод, и свою правоту.

Сложно сказать, что именно приключилось с его психикой, спустя столько лет: говорят, что он этой родильной горячкой буквально бредил и не существовало для него

иных тем; кто-то вспоминает, что доктор стал рассеян и неряшлив, пошёл от жены по проституткам, стал выпивать и сорить деньгами, а кто-то возражал, что это всё наветы недоброжелателей и той самой жены его, Марии. А только в итоге сдала Игнаца родня в сумасшедший дом — причём обманом сдала. Пока Игнац беседовал в саду больницы Allgemeines Krankenhaus с ее работником, дядя жены и друг Земмельвейса, с ним вместе пришедшие (кстати, именно этот друг, Фердинанд фон Гебра, и пригласил его посмотреть на своё новое место работы), тихонько слиняли, а доктора повязали. Происходит это 29 июля 1865 года.

А 13 августа Земмельвейс умирает. И есть все основания полагать (в том числе протокол вскрытия, который документирует множественные переломы, травмы мягких тканей, обширный плеврит, сепсис), что персонал просто избил доктора, когда тот попытался сбежать. Избил и привязал к кровати, чтобы пациент не доставлял беспокойства. Где тот и скончался от осложнений полученных травм. Понимаете? Это не просто человек с улицы, это доктор, чье имя на слуху — пусть и скандально на слуху. С чего бы отношение к другим, простым сумасшедшим, в этой клинике и ей подобным должно было быть иным?

Кто-то, вероятно, скажет, что доктора, что называется, заказали — однако давайте не будем так уж глубоко нырять в конспирологию: может быть, так оно и было, но сейчас уже толком никого и не расспросишь.

Так или иначе, в 1879 году на съезде германских психиатров в Берлине к окончательному решению по практике по restraint так и не пришли. Но кое-что с места двинулось: комиссия съезда разрешила применять смирительные рубашки в особых исключительных случаях, а не всем подряд.